

ПРОБЛЕМЫ АРХИВОВЕДЕНИЯ,
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ,
ДОКУМЕНТОВЕДЕНИЯ, АРХЕОГРАФИИ

Archive Science, Source Studies, Document Science
and Archaeography Issues

М.М. САФОНОВ,

г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

**«МАНИФЕСТ ПОДПИСАН. ПЕРЕДАЧА
ЗАДЕРЖАНА СНЯТИЕМ ДУБЛИКАТА».
ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА
ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

Safonov M.M.,

St. Petersburg, The Russian Federation

**“Manifesto Signed, Delivery Detained
due to Duplication”: Documentary Records
on the First World War**

Аннотация

В статье анализируется так называемый «акт отречения» Николая II, который был создан для «доведения войны во что бы то ни стало до победного конца». На деле же он явился переломной вехой на том пути, который повлек за собой выход России из Первой мировой войны, хотя страна имела все шансы выйти из нее победителем. По своей форме это очень странный документ. Он не являлся ни актом, ни манифестом, ни телеграммой. «Акт отречения» был создан в Пскове прибывшими из Петрограда А.И. Гучковым, В.В. Шульгиным и начальником штаба Северного фронта генералом Ю.Н. Даниловым. Несомненно, Николай II подписал какой-то абдикационный документ, не соблюдая принятые формы. Император пытался спасти свою семью и рассчитывал на то, что в изменившихся условиях этот незаконный акт впоследствии может быть дезавуирован. Но Гучков, Шульгин и Данилов, манипулируя текстом, придали ему форму торжественного акта и вы-

дали его за подлинный. Сфабрикованный таким образом документ сыграл важнейшую роль в истории России. Он поставил последнюю точку в правлении династии Романовых и озаменовал собой гибель монархии в России. Вместо «пути победы» он привел к развалу Российской империи и, в конечном итоге, поставил крест на ее наметившихся геополитических перспективах.

Abstract

The so called “act of abdication” of Nicholas II was to be a means to “fight to the finish”. Yet actually it became a milestone on the way leading to the Russian withdrawal from the war, despite Russia having all chances to be among the winners. In form, it is a very strange document: neither an act, nor a manifesto or telegram. The “act of abdication” was drafted by Alexander I. Guchkov, Vasily V Shulgin, who arrived to Pskov from Petrograd, together with chief of staff of the Northern Front Yuri N. Danilov. No doubt, Nicholas signed some sort of document of abdication without any regard to common form. He hoped to save his family and believed that circumstances might change and he would be able to disavow the illegal act. But Guchkov, Shulgin and Danilov doctored the text and passed it as original. The fabricated act played an important role in the Russian history. It closed the chapter on the rule of the Romanov’s dynasty and marked the end of monarchy in Russia. Instead of victory in the war, it led the Russian empire to total collapse and, eventually, shot down all emerging geopolitical prospects.

Ключевые слова

Первая мировая война, Ставка, начальник штаба Ставки, акт отречения Николая II, манифест, телеграмма, А.И. Гучков, В.В. Шульгин, Ю.Н. Данилов.

Keywords

The First World War, Stavka (Headquarters), Chief of Staff of the Stavka, the abdication of Nicolas II, manifesto, a telegram, A.I Guchkov, V.V. Shulgin, Yu.N. Danilov.

Воскресным вечером 26 февраля 1917 г. Николай II как обычно играл в домино¹. В Могилеве, в Ставке Верховного главнокомандующего, постоянными партнерами по любимой игре были адмирал К.Д. Нилон, командир конвоя его величества А.Н. Граббе и дежурный флигель-адъютант А.А. Мордвинов. У подъезда губернаторского дома, который был превращен в царский «дворец», в дубленых полушубках стояли часовые батальона георгиевских кавалеров. В садике дежурила дворцовая поли-

ция. На крыше дома генерал-квартирмейстера стояли пулеметы в чехлах. Это на случай налета немецких аэропланов. Пулеметы охранялись часовыми в папахах.

В этот день Николай II чувствовал себя еще в полной безопасности. Едва ли в тот вечер он мог предположить, что его династии, правившей Россией 304 года, оставалось властвовать всего пять дней, а он сам всего через трое суток, будет назван последним из Романовых и к его пышному титулу императора всероссийского прибавится беспощадное прилагательное «бывший»... А новорожденная газета «Известия» назовет его «Николаем Последним»².

В 14 часов 47 минут 2 марта 1917 г. от перрона Варшавского вокзала отправился экстренный поезд на Псков. К паровозу был прицеплен всего один вагон-салон, в котором ехали два пассажира – А.И. Гучков и В.В. Шульгин. Гучков, бывший председатель III Государственной думы, был известен как личный враг Николая II и царской семьи. Шульгин слыл ярым монархистом.

Карл Маркс, автор многих известных метафор и афоризмов, назвал революции «локомотивами истории». Экстренный поезд, с одним вагоном на двоих, ярого монархиста и личного врага монарха, можно ли было придумать лучших символов головокружительных перемен, происходивших в России в конце февраля – начале марта 1917 года? Гучков и Шульгин ехали на встречу с императором.

В Пскове в ночь со 2 на 3 марта 1917 г., в промежуток времени между 23 ч 32 м и 0 ч 28 м³, Николай II подписал документ, который дошел до нас в следующем виде:

Ставка

Начальнику Штаба.

В дни великой борьбы с внешним врагом, стремящимся почти три года поработить нашу родину, Господу Богу угодно было ниспослать России новое тяжкое испытание. Начавшиеся внутренние народные волнения грозят бедственно отразиться на дальнейшем ведении упорной войны. Судьба России, честь героической нашей армии, благо народа, все будущее дорогого нашего Отечества требует доведения войны во что бы то ни стало до победно-

го конца. Жестокий враг напрягает последние силы, и уже близок час, когда доблестная армия наша совместно со славными нашими союзниками сможет окончательно сломить врага. В эти решительные дни в жизни России почли Мы долгом совести облегчить народу Нашему тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы и, в согласии с Государственною Думою, признали Мы за благо отречься от Престола Государства Российского и сложить с себя Верховную власть. Не желая расстаться с любимым Сыном Нашим, мы передаем наследие Наше Брату Нашему Великому князю Михаилу Александровичу и благословляем Его на вступление на престол Государства Российского. Заповедуем Брату Нашему править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях, на тех началах, кои будут ими установлены, принеся в том ненарушимую присягу. Во имя горячо любимой родины призываем всех верных сынов Отечества к исполнению своего святого долга перед Ним, повиновением Царю в тяжелую минуту всенародных испытаний и помочь Ему, вместе с представителями народа, вывести Государство Российское на путь победы, благоденствия и славы. Да поможет Господь Бог России.

Николай

г. Псков.

2-го марта 15 час. ... мин. 1917 г.

Министр Императорского Двора

Генерал-Адъютант граф Фредерикс⁴.

Этот абдикационный документ⁵, назовем его так, был создан для того, чтобы приблизить «час, когда доблестная армия наша совместно со славными нашими союзниками сможет окончательно сломить врага», то есть, для «доведения войны во что бы то ни стало до победного конца». На деле же он явился переломной вехой на том пути, который повлек за собой выход ее из Первой мировой войны, хотя Россия имела все шансы выйти из нее победителем.

В час ночи 3 марта 1917 г. начальник штаба Северного фронта генерал Ю.Н. Данилов, телеграфируя в Ставку о подписании аб-

дикационного документа назвал его «актом отречения от престола»⁶. Это самое раннее упоминание о данном документе как об акте отречения Николая II.

Однако можно ли назвать эту бумагу актом отречения?

Николай II как Верховный главнокомандующий сообщает начальнику штаба Верховного главнокомандующего генералу М.В. Алексееву о том, что во имя победы «признал за благо» отречься от престола и передать его брату, который должен присягнуть, что будет управлять страной согласно конституции, выработанной представителями народа в законодательных учреждениях. Другими словами – император сообщает, что он не только отрекается от престола, но за своего преемника и от самодержавия!

Нетрудно заметить, что нигде человек, от имени которого написан этот документ, не назван ни самодержцем, ни императором. Это просто некто «Николай», не назван по имени и фамилии М.В. Алексеев. Получается, некто Николай сообщает о своем решении безымянному начальнику штаба. С этой точки зрения письмо чеховского персонажа Ваньки Жукова «на деревню дедушке, Константину Макарычу» более конкретно, чем этот так называемый «Акт».

Обычно юридический акт начинается с упоминания лица, от имени которого он составляется: «Я, имярек...». Затем следует указание на должность или статус этого человека: «Такой-то и такой-то». Для императорских манифестов была выработана устойчивая формула. Она воспроизводилась типографским способом на печатных бланках Министерства императорского двора: «Божьей Милостью мы, Николай Второй, Император и Самодержец Всероссийский, Царь Польский, Великий Князь Финляндский и пр. пр. пр.». Затем, как правило, помещалась фраза, указывающая, кому адресован манифест: «Объявляем всем нашим верным подданным». После текста манифеста обязательно следовала заключительная формула: «Дан», то есть указывалось место, где был подписан манифест, например: «в Пскове», затем проставлялась дата: «в третий день марта лета от Рождества Христова одна тысяча девятьсот семнадцатое, царствования же Нашего двадцать третьего». Завершала манифест подпись са-

модержца. Час и минута подписи никогда не обозначались. Кроме того, существовала строго установленная процедура оформления манифестов. Несмотря на то, что в конце XIX в. в России появились пишущие машинки и их стали употреблять для составления проектов документов (кроме того, для этого использовались литографические станки)⁷, текст манифеста, на котором ставилась императорская подпись, обязательно переписывался от руки. Только в таком виде манифест получал юридическую силу. В канцелярии Министерства императорского двора служили специальные переписчики, которые обладали особо красивым почерком. Он назывался «рондо», а лица, им владевшие, соответственно именовались «рондистами». Только их употребляли для переписки особо важных бумаг: рескриптов, грамот и манифестов. Разумеется, в таких документах никаких помарок и подчисток не допускалось⁸.

Немаловажно отметить, что важнейший для государственной жизни России начала XX века документ – манифест 17 октября 1905 г., которым Николай II торжественно объявил о том, что введет конституцию, оформлен именно таким образом⁹. На печатном бланке Министерства императорского двора, воспроизводящим типографским способом титул императора, почерком «рондо» написан текст манифеста, в заключение манифеста – подпись Николая II. Хотя проекты манифеста печатались на пишущей машинке¹⁰, а окончательный вариант был воспроизведен на литографическом станке¹¹, силу закона получил лишь текст, тщательно переписанный рондистами¹².

Оставляя в стороне вопрос о юридической состоятельности так называемого акта отречения Николая II, нетрудно прийти к заключению, что рассматриваемый документ – это «филькина грамота»¹³. Прежде чем пускаться в споры, о том, соответствовал ли акт отречения Николая II основным законам Российской империи, поставим вопрос: «А был ли акт?». Ответим: Акта отречения как такового не существует. Есть лишь текст, которому придан вид телеграммы начальнику штаба, и в этом телеграфном сообщении Верховный главнокомандующий извещает подчиненного о своем решении. Акт отречения и телеграмма об отречении далеко не одно и то же.

Почему же манифесту об отречении придана форма телеграммы?

Дело в том, что составителю этого документа было очень важно показать, что решение о передаче престола в обход Основных законов великому князю Михаилу принято самим Николаем II добровольно. Не только без всякого давления со стороны Гучкова и Шульгина, но и без какого-либо их участия, потому что император подписал отречение за семь часов до их прибытия в Псков¹⁴. Точная временная привязка была необходима составителю и по другой причине. 2 марта около 15 часов в Екатерининском зале Таврического дворца было провозглашено создание первого общественного кабинета, который намеревался сохранить монархию с передачей престола Алексею¹⁵. Это намерение, оглашенное П.В. Милюковым, встретило бурю негодования со стороны «республикански» настроенных рабочих и солдат¹⁶. Поэтому его пришлось пересмотреть¹⁷. Составителю «акта отречения» было важно показать, что добровольное решение Николая II передать престол не Алексею, а Михаилу никак не было связано с реакцией на речь Милюкова, ведь «акт отречения» был подписан в Пскове в то самое время, когда Милюков произносил свою речь в Таврическом дворце в Петрограде. Для того, чтобы это выглядело достоверно, требовалось, чтобы в документе было обозначено время подписания документа. Поскольку же в манифестах время суток никогда не обозначалось, манифесту придали вид телеграммы с обозначением часа и минуты, когда она была отправлена. Но сделали это крайне неудачно.

2 марта Николай II записал в дневнике: «Из Ставки прислали проект манифеста. Вечером из Петрограда прибыли Гучков и Шульгин, с которыми я переговорил и передал подписанный и переделанный манифест. В час ночи уехал из Пскова с тяжелым чувством пережитого»¹⁸.

Если бы не было этой записи, можно было бы усомниться, подписывал ли император какой-либо манифест. Но из записи явствует непреложно, что в результате переговоров Николай передал манифест, «подписанный и переделанный». В 0.28 3 марта генерал-квартирмейстер штаба Северного фронта

В.Г. Болдырев передал по телеграфу генерал-квартирмейстеру Ставки А.С. Лукомскому: «Манифест подписан. Передача задержана снятием дубликата, который по подписании государем будет вручен депутату Гучкову, после чего передача будет продолжена»¹⁹. Итак, был «подписанный и переделанный манифест» и его дубликат.

В 1 час ночи Николай отправился из Пскова в Ставку, Гучков и Шульгин уехали из Пскова в Петроград в 3 часа ночи. Не ранее 3.19, а, скорее всего, позже, из Ставки стали передавать текст манифеста главнокомандующим фронтов, который потом появился в газетах²⁰. Что же делали делегаты с половины первого до трех? В Чрезвычайной следственной комиссии Гучков утверждал, что уехал, как только получил манифест.

В 1975 г., за год до своей смерти, девяностосемилетний Шульгин убеждал писателя М.К. Касвинова, автора книги «Двадцать три ступени вниз», что Николай II подписал текст манифеста, привезенный Гучковым и Шульгиным из Петрограда²¹. На самом деле, Николай подписал манифест, основной текст которого прислали из Могилева, где находилась Ставка²². Текст манифеста был выработан директором дипломатической канцелярии Ставки Н.А. Базили вместе с генералом Лукомским и отредактирован начальником штаба главковерха М.В. Алексеевым²³. Этот текст был прислан из Ставки в половине девятого вечера и находился в руках главнокомандующего Северного фронта генерала Н.В. Рузского²⁴. Именно этот текст и был положен в основу того проекта, который потом передали в Ставку, а затем главнокомандующим и в печать.

В проекте, присланном из Могилева, говорилось: «В соответствии с установленным Основными законами порядком мы передаем наследие наше дорогому сыну нашему... Алексею Николаевичу и благославляем его вступление на престол Государства Российского. Возлагаем на брата нашего великого князя Михаила Александровича обязанности правителя империи на время до совершеннолетия сына нашего. Заповедуем сыну нашему, а равно и на время несовершеннолетия его правителю империи править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях, на тех началах, кои будут им установлены»²⁵.

В окончательном тексте, привезенном Гучковым и Шульгиным из Пскова этот пассаж был заменен такими словами: «Не желая расстаться с любимым сыном нашим, мы передаем наследие наше брату нашему великому князю Михаилу Александровичу и благословляем его на вступление на престол Государства Российского. Заповедуем брату нашему править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях, на тех началах, кои будут ими установлены, принеся в том ненарушимую присягу»²⁶.

Как видим, из первоначального проекта удалили, прежде всего, упоминание о соответствии с основными законами. Интересно, что полковник А.А. Мордвинов вспоминал, что начальника военно-походной канцелярии К.А. Нарышкина посылали в соседний вагон справиться с Основными законами²⁷. Удаление из текста ссылки на Основные законы говорит о многом: составитель прекрасно осознавал, что его формула этим законам противоречит. Престол передавался не Алексею, а Михаилу, что вопиющим образом противоречило установленному законом порядку престолонаследия.

В текст манифеста была введена еще одна существенная поправка: новый монарх должен был принести ненарушимую присягу на верность конституции, которая будет выработана.

Сегодня известны два экземпляра текста манифеста с подписью Николая II. Один из них дошел до нас в рукописи. Он хранится в личном фонде Николая II в Государственном архиве Российской Федерации²⁸. Другой дошел до нас в фотокопии²⁹. Местонахождение подлинника этого фотографического экземпляра не обнаружено. Кроме того, в интернете размещена фотокопия, опубликованная в 1919 г. в Нью-Йорке Ю.В. Ломоносовым с датой «2-го марта 15 час. мин. 1917 г.». Неизвестно, что собой представлял этот экземпляр – машинопись или только фотокопию³⁰. Оба экземпляра напечатаны на пишущей машинке на листе большого формата. На обоих экземплярах в левом углу помещено слово «Ставка». Затем посредине текста вместо заглавия написано: «Начальнику штаба». После текста манифеста в нижнем левом углу на машинке напечатано: «Г. Псков Марта час. мин. 1917 г.». В правом нижнем углу машинописного экземпляра находится ка-

рандашная подпись Николая. В нижнем углу под обозначением даты имеется скрепа чернилами: «Министр императорского двора генерал-адъютант граф Фредерикс».

Оба экземпляра отличаются тем, что на одном, подписанном Николаем II тонким химическим карандашом, вписано время: «2-го марта 15 час. мин. 1917 г.». На другом же, подписанном Николаем чернилами, время обозначено иначе: 2 марта 15 час. 5 мин. 1917 г.». Никаких других карандашных пометок царя на этих экземплярах нет.

Скажем сразу, что оба одновременных экземпляра «Акта» производят довольно странное впечатление³¹. Возникает естественное подозрение, не сфабрикованы ли они?

В Чрезвычайной следственной комиссии Гучкова спросили, чем можно объяснить, что отречение было обращено к начальнику штаба? Гучков ответил: «Нет, акт отречения был безымянным. Но когда этот акт был зашифрован, предполагалось послать его по следующим адресам: по адресу председателя Государственной думы Родзянко и затем главнокомандующих фронтами для обнародования в войсках». Следователь уточнил: «Так что вы получили его на руки без обращения?». Гучков подтвердил: «Без обращения»³².

Вопрос следователя был вполне закономерен. Манифест не может быть без обращения к тем, кому адресован. Примечательно, что когда дело дошло до публикации в армиях фронта акта отречения Николая II, генерал Данилов, который в 4-м часу ночи 3 марта передавал текст в Могилев, обратился в Ставку с просьбой телеграфировать в Псков текст акта об отречении «целиком, не исключая заголовка». Из Ставки ответили: акт представляет собой «текст манифеста об отречении от престола, который был получен по телеграфу от вас. Нужно ли повторять? Изменений там нет»³³.

Данилов недоумевал, нужен заголовок и какой? Ему никак не верилось, что переданный им текст – это и есть акт об отречении. Именно в таком же положении оказались редакции некоторых газет. Так, например, «Утро России», распространявшее официальную версию Гучкова и Шульгина, опубликовало текст телеграммы Николая II об отречении с шапкой, необходимой для им-

ператорского манифеста: «Божьей милостью, мы, Николай Второй...», потому что могло показаться невероятным, что манифест не имел титула. Необходимо было убедить читателя в том, что Николай II подписал акт отречения, а не какую-то «филькину грамоту». Но для этого пришлось опубликовать сфабрикованный текст, которого император никогда не подписывал³⁴.

Ответ Гучкова следователю Чрезвычайной следственной комиссии крайне важен. Если акт был безымянным (что, кстати сказать, само по себе уже нонсенс), то дубликат (или дубликаты) были бы тоже безымянными. Если же дубликаты снимались после того, как «акт был зашифрован», то в дубликатах был бы шифр, а не расшифровка. Можно, конечно, допустить, что Гучков неудачно выразился. Он имел в виду, что безымянному тексту, подписанному Николаем, придали вид телеграммы, подготовленной для передачи по телеграфу, а затем, до того как ее зашифровали, сняли с получившегося текста копию, принесенную потом на подпись царю.

Все равно концы не сходятся с концами. Какой же дубликат, если текст копии и оригинала не совпадают? Сам факт существования двух экземпляров «Акта» с различным обозначением времени подписания, дезавуирует подлинность каждого в отдельности.

Нельзя не отметить, что форма телеграммы «акту отречения» придана довольно неудачно. Гучков утверждал на следствии, что предполагалось послать акт по адресу председателя Государственной думы М.В. Родзянко³⁵, а между тем телеграмма адресована вовсе не председателю. Она оформлена как предназначавшаяся генералу М.В. Алексееву.

Между тем, Николай II по-иному оформлял свои телеграммы. Это хорошо видно из собственноручно написанной им между 15 и 16 часами 2 марта телеграмм Родзянко и Алексееву, в которых император объявлял им о своей готовности отречься. Вначале он указывал, кому адресована телеграмма, потом – куда она отправляется. Например, как это отчетливо видно на факсимиле: «Председателю Гос. Думы. Птгр», то есть «Петроград»³⁶. Соответственно, телеграмма Алексееву выглядела так: «Наштаверх. Ставка». «Наштаверх» – это означало «начальнику штаба Вер-

ховного главнокомандующего». В единичных случаях он писал так: «Начальнику штаба. Ставка»³⁷. Но принцип «Куда. Кому» неукоснительно соблюдался императором. «Ставка», как место пребывания адресата, никогда не предшествовала указанию его имени или должности. На документе же мы читаем: «Ставка. Начальнику штаба». Обращает на себя внимание то, что именно так адресовал свои телеграммы Гучков. На телеграмме, отправленной им в столицу в первом часу ночи 3 марта, есть пометка красным карандашом: «Петроград. Начальнику Главного штаба»³⁸. Так же оформлял свои телеграммы и Рузский. На телеграмме, отправленной им 2 марта 1917 г в 21.40, читаем: «Петроград. Председателю Государственной Думы Родзянко»³⁹. Таким же образом адресована его телеграмма императору от 27 февраля 1917 г.: «Ставка. Его императорскому величеству государю императору»⁴⁰.

Дата телеграммы на абдикационном документе проставлена совершенно безграмотно. Действительно, телеграммы, которые отсылал генерал Данилов из штаба Северного фронта, заканчивались так: «Псков. Число. Месяц. Час. Минута». Потом обязательно следовал номер телеграммы. Например, «1244 Б»⁴¹. Затем следовала подпись. Нетрудно заметить, что на «акте отречения» нет номера телеграммы, который обязательно должен был бы здесь находиться, если бы она действительно была подготовлена к отправке. Да и сама дата выглядит несколько странно: «2-го Марта 15 час 5 мин 1917 г.».

Как правило, год в телеграммах не обозначался, а если обозначался, то цифры года должны были следовать после написания дня месяца, например, «2 марта 1917 г.», а отнюдь не после указания точного времени. На «акте отречения» мы как раз видим несколько необычное сочетание: «... 15 час 5 мин. 1917 г.». Причем, на том, экземпляре, который дошел до нас в машинописи, дата была подчищена⁴².

Слово «Г. Псков» напечатано на другой машинке, с более мелким шрифтом, чем основной текст документа. Как уже отмечалось, никакие подчистки в рукописи манифеста, который должен был обрести законную силу, не допускались.

Как же объяснить отмеченные выше несурзности?

И Шульгин, и Гучков по возвращении из Пскова подробнейшим образом описали, как Николай II отрекался. Правда, «акта отречения» никто так и не увидел. Всю последующую жизнь они отстаивали свою версию произошедшего в Пскове. Сегодня ни одна книга о Николае II не обходится без сочного описания Шульгина о том, как отрекался император. А между тем то, что так охотно и подробно описывали Шульгин и Гучков, являлось тщательно продуманной ложью. Согласно официальной версии Шульгина-Гучкова, изложенной в газетном интервью и получившей широкую огласку благодаря ее немедленной публикации, дело обстояло так.

Когда посланцы прибыли в Псков, они были сразу же проведены в вагон-салон императора. Гучков произнес длинную речь, закончив тем, что единственным выходом из создавшегося положения было бы отречение Николая от престола в пользу малолетнего Алексея с назначением регентом великого князя Михаила. Затем царь спокойно сообщил, что он уже принял решение. До 3 ч. дня он был готов отречься в пользу сына, но затем понял, что расстаться со своим сыном не способен и решил отречься в пользу брата. Предложение застало делегатов врасплох. Гучков и Шульгин приняли близко к сердцу чувства отца, и поэтому не захотели оказывать давление на родителя. Кроме того, Шульгин сказал, что необходимо, чтобы монарх присягнул на верность конституции. Однако регент не может этого сделать за малолетнего царя. При вступлении на престол Михаила это неудобство устраняется. «Таким образом, – констатировал Шульгин, – мы выразили согласие на отречение в пользу Михаила Александровича».

Николай вышел из вагона, а затем вернулся с актом отречения. Прочитав текст, Шульгин предложил пассаж о заповеди брату править страной в единении с представителями народа в законодательных учреждениях, вставить фразу: «принеся в том всенародную присягу». Николай это сделал, заменил слово «всенародную» на «ненарушимую». Акт был написан на двух или трех листочках небольшого формата с помощью пишущей машинки. На заглавном листе стояло слева слово «Ставка», а справа – «Начальнику штаба». Подпись была сделана карандашом. С Русским было условлено, что в виду «бурных обстоятельств Петрограда»

будет два экземпляра акта, подписанных собственноручно. Первый экземпляр на листочках маленького формата остался у Рузского. Второй экземпляр на листе большого формата, также написанный на пишущей машинке, подписанный Николаем карандашом и скрепленный пером Фредериксом, депутаты взяли с собой, оставив расписку в получении. По приезде этот экземпляр передали в надежные руки, потому что он подвергался «опасности»⁴³.

Итак, формула, передающая престол Михаилу, была изобретена самим Николаем еще до приезда депутатов и содержалась в тексте, который им передал царь. Они лишь предложили внести в нее незначительную поправку: Михаил должен был принести присягу на верность конституции. Николай сделал это дополнительное собственноручно. Все «особенности» оформления документа («Ставка. Начальнику штаба») уже содержались в тексте, который Николай принес с собой.

Та же версия с обильными лирическими отступлениями была потом опубликована Шульгиным в 1925 г. в воспоминаниях под названием «Дни». Здесь еще упоминается, как уже отрекшийся царь поставил Г.Е. Львова во главе правительства⁴⁴.

Ту же версию изложил и Гучков в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. С Шульгиным он расходился только в незначительных деталях⁴⁵. Наконец, в подтверждение версии Шульгина-Гучкова, был сфабрикован документ, который обычно принято называть «Протоколом отречения Николая II». На самом деле это – апокриф. Он излагает, «в лицах», версию Шульгина-Гучкова в варианте Гучкова⁴⁶. Так называемый «протокол» отличается от показаний Гучкова в Чрезвычайной следственной комиссии тем, что здесь более пространно изложена речь Гучкова. Недостоверным следует признать и запись в камер-фурьерском журнале, излагающем ту же версию⁴⁷.

Между тем, существуют подлинные документы, возникшие в то время, когда фабриковался «акт отречения», которые дают возможность опровергнуть все то, что Гучков и Шульгин потом рассказывали об отречении Николая II. Это – телеграммы, отправленные из Пскова в первые утренние часы 3 марта. Они то и дают возможность отбросить позднейшие свидетельства Гучкова-Шульгина, как недостоверные.

Когда Гучков и Шульгин вышли из вагона-салона, начальник штаба Северного фронта Данилов в 1.00 3 марта послал официальную телеграмму начальнику штаба Верховного главнокомандующего Алексееву: «Его величеством подписаны указы Правительствующему сенату о бытии председателем Совета министров князю Г.Е. Львову и верховным главнокомандующим... великому князю Николаю Николаевичу. Государь император изволил затем подписать акт отречения от престола... Манифест и указы передаются дополнительно»⁴⁸.

Кроме того, выйдя из вагона императора, в первом часу ночи Гучков и Шульгин послали телеграмму в Петроград начальнику Главного штаба генералу Н.П. Михневичу, в которой говорилось о том, что поручение образовать новое правительство дается Львову, Верховным главнокомандующим назначается Николай Николаевич. «Манифест последует немедленно»⁴⁹.

Из телеграмм явствует: вначале Николай подписал указ о назначении Львова председателем Совета министров и только потом манифест об отречении. Это и понятно. Иначе быть не могло. Царская санкция на легитимную передачу власти первому обществу кабинету от еще не отречшегося, а, следовательно, правоспособного монарха была главной целью поездки Гучкова и Шульгина в Псков. То есть, император должен был законно передать власть Временному правительству, а потом только отречься. Соответственно, указ о назначении Львова председателем Совета министров был помечен 14 ч., а «акт отречения» 15 ч. Не случайно газета «Известия» в передовице сообщила вначале о назначении Львова, а только потом об отречении Николая II⁵⁰. Первое обязательно должно было предшествовать второму.

Шульгин же и Гучков утверждали обратное. Очевидно, диалог между Николаем II и бывшими депутатами ни в коем случае не мог не быть таким, каким они его выстроили постфактум. Следовательно, все, что рассказали Шульгин и Гучков об обстоятельствах отречения Николая II, не заслуживает никакого доверия и должно быть отброшено как недостоверное. В связи с этим вызывает сомнение и сообщение о существовании черного проекта «акта отречения», напечатанного на машинке на двух-трех телеграфных листках с карандашной правкой Николая. До сих пор

такого экземпляра не обнаружено и сомнительно, что он вообще существовал. А в этом экземпляре, якобы принесенном самим Николаем в вагон, уже содержалась формула о передаче престола Михаилу.

К этому же выводу приводит и телеграмма, которую Шульгин и Гучков отправили в Петроград начальнику Главного штаба в тот момент, когда переговоры с Николаем подошли к концу: «Просим передать председателю Думы Родзянко: “Государь дал согласие на отречение от престола в пользу вел. кн. Михаила”»⁵¹.

В воспоминаниях и интервью Шульгин и Гучков утверждали, что формулу манифеста «не желая расстаться с любимым сыном... передаем наследие брату», предложил сам Николай II⁵². Телеграмма Гучкова и Шульгина не оставляет сомнений: это важнейшее положение «Акта отречения» исходило от посланцев из Петрограда. Николай же лишь с ним согласился. Положение это вопиюще противоречило основным законам о порядке престолонаследия. Но у Шульгина и Гучкова не было иного выхода. Им было необходимо найти такую юридическую формулу, которая узаконила бы передачу власти в руки Временному правительству. Но при этом необходимо было учитывать, что, с одной стороны, Временный комитет Государственной думы хотел вписать этот «первый общественный кабинет» в рамки конституционной монархии, а с другой – Исполнительный комитет Совета рабочих депутатов добивался того, чтобы до созыва Учредительного собрания форма будущего государственного правления не предreshалась⁵³. Вступление на престол Михаила имело то преимущество перед воцарением Алексея, что Михаил был полномочен дать присягу править в соответствии с теми началами государственного управления, которые будут установлены, малолетний же государь такой присяги дать не мог.

Поэтому стремление Гучкова и Шульгина получить документ об отречении Николая II в пользу Михаила любой ценой, пусть даже с вопиющим нарушением порядка престолонаследия, вполне объяснимо. Оно диктовалось необходимостью найти компромисс в борьбе Временного комитета с Советом рабочих депутатов.

Но возникает вопрос – почему Николай II дал свое согласие на такое противозаконное предложение?

Обычно решение Николая II отречься объясняют тем, что он понял, что потерял поддержку армии и «рекомендации» главнокомандующих фронтами по вопросу о необходимости отречения окончательно убедили его в том, что иного пути не осталось. Однако при этом упускается из виду одно обстоятельство, которое, по всей видимости, сыграло важнейшую роль и определило тактику царя.

1 марта Николай II, прибыв в Псков, записал в дневнике: «Стыд и позор! Доехать до Царского Села не удалось. А мысли и чувства все время там! Как бедной Алике, должно быть, тяжело одной переживать все эти события! Помогите нам Господь!»⁵⁴. Это ярчайшее свидетельство того, что в момент, когда решалась судьба династии, Николай II думал прежде всего о жене, о семье, а не о своей власти.

О том, что именно необходимость спасти жизнь жены и детей может стать самым важным аргументом при решении вопроса о судьбе трона, прекрасно было известно в Ставке, добывающейся отречения императора. Поэтому ему и были сообщены ложные сведения.

Около 9 ч. 2 марта генерал А.С. Лукомский передал из Ставки в Псков Данилову, что выбора нет, и отречение должно состояться. «Надо помнить, что вся царская семья находится в руках мятежных войск, ибо по полученным известиям, дворец в Царском Селе занят войсками. Если царь откажется, то, вероятно, произойдут дальнейшие эксцессы, которые будут угрожать царским детям, а затем начнется междоусобная война»⁵⁵. Лукомский отлично знал, какую силу может иметь в глазах Николая этот аргумент о жене и детях-заложниках.

Около 15 ч. главком Северного фронта Рузский представил Николаю ответы главнокомандующих фронтами на запрос Алексеева о целесообразности отречения⁵⁶. Вместе с телеграммой Алексеева об этом Рузский предъявил императору и запись утреннего разговора Клембовского с Болдыревым о положении в Царском Селе и переходе конвоя на сторону Думы. Как свидетельствовал Данилов, для государя «это был очень печальный

факт»⁵⁷. Видимо, он и predetermined дальнейшую тактику Николая II, который объявил о своей готовности отречься, тем не менее, он вовсе не собирался расставаться с властью, а лишь искал способов сохранить ее и спасти семью. Поэтому он был готов поставить свою подпись и под «филькиной грамотой», которая впоследствии, могла бы быть дезавуирована как юридически несостоятельная и подписанная под давлением.

Генерал Данилов, назвавший телеграмму «актом отречения», мог не знать всех юридических тонкостей. Что касается Николая II, то вопрос, знал ли он, даже не следует ставить. Но, может быть, у него не было никакой возможности оформить надлежащим образом акт своего добровольного отречения? Нет ни малейшего сомнения, что такая возможность была. Николай II подписал абдикационный документ в своем вагоне, стоявшем на перроне станции Псков, где находился штаб Северного фронта. Рядом с его поездом располагался свитский вагон. Здесь находилась военно-походная канцелярия императора с персоналом во главе с К.А. Нарышкиным. Служащие канцелярии перепечатывали текст телеграммы на пишущей машинке. Министр императорского двора Фредерикс, командовавший императорской квартирой, через руки которого в течение десятилетий проходили важнейшие документы, скрепил текст телеграммы своей подписью. Николай II подписал текст карандашом, который, как известно, стирается. Может быть, у императора не было в тот момент пера? Фредерикс скрепил карандашную подпись царя под важнейшим документом как раз пером.

Так что все, что надо, у них было.

Но может быть, не было времени?

Было и время: императору на размышление дали целую ночь со 2 на 3 марта. За это время рондисты успели бы переписать текст телеграммы и оформить его в виде манифеста даже несколько раз. Раз время и возможность были, чего же не было у Николая? А не было у него доброй воли и свободы действий.

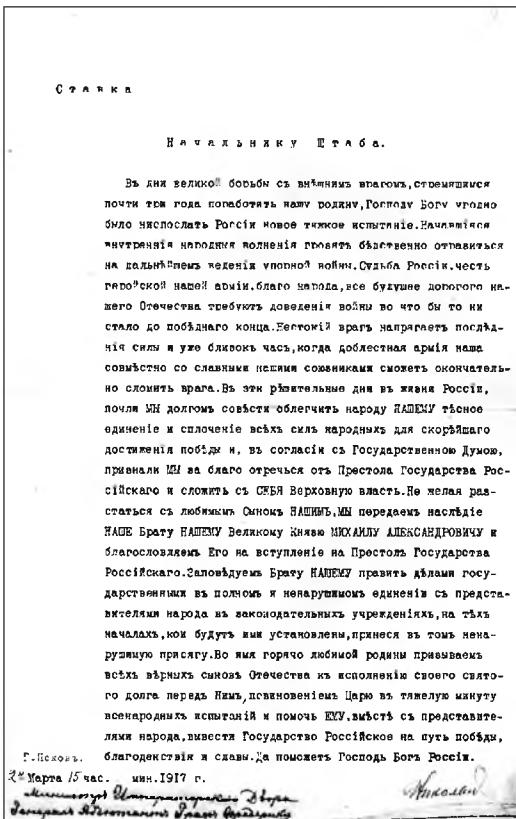
Сообщив в Ставку в 0 ч. 28 мин о том, что Николай II подписал абдикационный документ, Болдырев добавил: «Передача задержана снятием дубликата». В 1.00 Данилов пообещал Алексееву передать текст «дополнительно». Однако в Могилев текст посту-

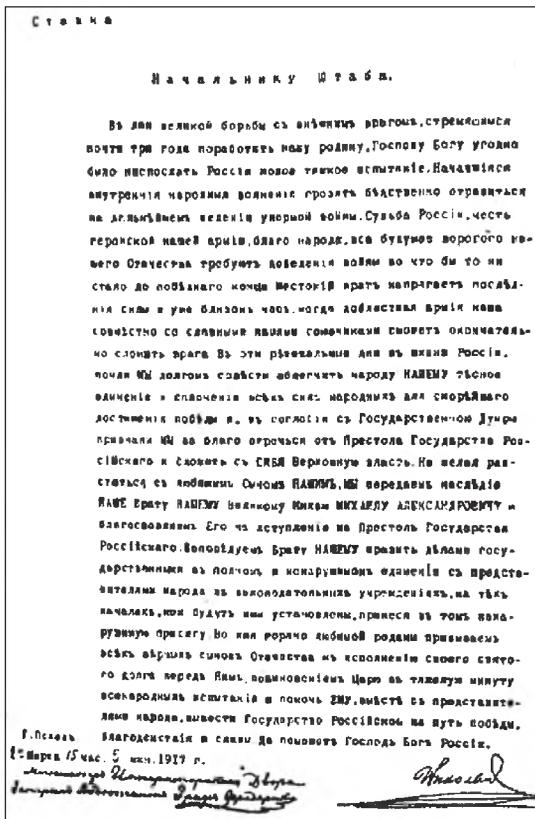
пил не ранее 2.57. Задержка была объяснена «снятием дубликата». Император, который должен был подписать дубликат, покинул Псков в 1.00. Гучков и Шульгин отправились в Петроград в 3 ч ночи. Ставке, ожидавшей получить текст немедленно по подписании, пришлось ждать более 2 часов. Чем занимались депутаты все это время?

Очевидно, Гучков и Шульгин понимали, что телеграмма об отречении и акт отречения – это далеко не одно и то же. Им же был совершенно необходим именно акт. Переделка подписанного императором текста в акт требовала време-

ни. Чтобы скрыть от Ставки сам факт переделки абдикационного документа в «акт об отречении», депутаты прибегли к изготовлению дубликата, которого вовсе не требовалось при оформлении манифеста. Но создание дубликата позволяло объяснить, почему текст акта не был телеграфирован в Ставку сразу же по подписании. Более двух часов они потратили на то, чтобы придать абдикационному документу торжественный вид: то есть, превратить его в форму акта и манифеста. Два с половиной часа потребовалась на то, чтобы текст манифеста представить в виде теле-

Манифест об отречении Николая II. Машинопись
Abdication Manifesto of Nicholas II. Typewritten text.

Акт отречения Николая II. Фотография.
Act of abdication of Nicholas II. Photograph.

граммы начальнику штаба Ставки с точной временной привязкой.

Никто из историков не пытался объяснить, для какой цели было изготовлено несколько экземпляров, и как они создавались. А между тем, сам факт создания разновременных дубликатов «манифеста» с подчисткой в датах, вскрывает фабрикацию «акта».

Сравним введенные в научный оборот экземпляры.

1. Машинопись с датой «2-го марта 15 час. мин. 1917 г.». Перед словом «мин» стерта цифра «5», переделанная из тройки. То есть, первоначальная дата читалась: «2-го марта 15 час. 3 мин. 1917 г.»;

2. Фотокопия с датой «2-го марта 15 час. 5 мин. 1917 г.». Здесь цифра «5», указывающая минуты, переделана из тройки. Подлинник, с которого была снята фотокопия, неизвестен.

3. Опубликованная в Нью-Йорке Ю.В. Ломоносовым фотография с датой «2-го марта 15 час. мин. 1917 г.».

На первых двух экземплярах подписи Николая с торжественным росчерком идентичны. Как и скрепа генерал-адъютанта

В.Б. Фредерикса, только на первом автограф царя сделан карандашом, а на втором обведен чернилами. На третьем же экземпляре подпись царя без росчерка и имеет отличия от первых двух в написании отдельных букв, очевидные даже не для профессионала.

Сопоставление экземпляров позволяет частично восстановить процесс работы над ними. Обычно на подписи телеграмм император не делал росчерка, как это требовалось в особо торжественных случаях⁵⁸. Такая подпись на телеграмме не заверялась министром двора.

Составители «акта» использовали бланк с карандашной подписью Николая II. Впечатали в него текст абдикационного документа, возможно, внося в него поправки, не исключая и порядка престолонаследия.

Фредерикса, под угрозой расправы с его семьей, заставили поставить свою скрепу на листе, подписанном Николаем II⁵⁹. Напечатали адрес «Ставка. Начальнику штаба», если только этой надписи не было ранее на бланке. К привычной датировке, употребляемой в телеграммах, возможно уже имевшейся на бланке, «Псков. Марта час. мин.» припечатали еще обозначение года «1917 г.» и вписали от руки карандашом «2-го» и «15».

В итоге получили нелепую дату «2-го марта 15 час. мин. 1917 г.». Затем текст, якобы подписанный Николаем как телеграмма со всеми добавленными в него «аксессуары» торжественного акта, сфотографировали. На обоих экземплярах текста – на машинописном и фотографическом – подписи царя и скрепа Фредерикса, естественно, получились идентичными. Но прежде чем делать фотографию, в дату, обозначающую минуты, вписали цифру «3». Получился «дубликат», созданный на три минуты позже оригинала. Это как бы доказывало, что вначале Николай подписал первый экземпляр, потом текст перепечатали и он вновь поставил свою подпись на перепечатанном тексте. Вначале «отпустили» на перепечатку второго экземпляра 3 минуты, но потом решили, что этого мало и «удлиннили» перепечатку до 5 минут. Получившийся текст сфотографировали. Для того, чтобы «дубликат» отличался от оригинала, якобы подписанного на пять минут раньше, в первоначальной машинописи стерли цифру 5. После этого к подписи Николая на обоих экземплярах, на маши-

нописном и фотографическом, прибавили росчерк. Но он оказался, что вполне естественно, не вполне совпадающем на каждом из них. Затем созданный таким образом «акт» был телеграфирован в Ставку, и после опубликован в газетах с отсутствующей на снимке громоздкой «шапкой», обязательной для манифеста. Все эти махинации могут объяснить, почему вместо самих документов предпочитали оперировать фотографическими копиями: на них не все видно. Во всяком случае, подчисток не увидишь.

Остается неясным, какой этап работы отражает экземпляр с подписью без росчерка, известный только по американской публикации. Возможно, это – пробный экземпляр, созданный на бланке с иной подписью царя без росчерка для выяснения возможности расположения всех элементов текста на бумаге такого формата.

Очевидно, вся эта работа была выполнена Гучковым, Шульгиным, Даниловым и, возможно, Рузским. Данилов в своих мемуарах упоминает о том, что делал фотографические снимки с этих документов⁶⁰. Таким образом, якобы существующая необходимость «снятия дубликата» в действительности была призвана скрыть переработку абдикационного документа в «акт отречения», в форме «манифеста», то есть фальсификацию этого судьбоносного для России документа.

Вместо того, чтобы «вывести Государство Российское на путь победы, благоденствия и славы», этому фальшивому документу было суждено поставить последнюю точку в более чем трехсотлетней истории правления династии Романовых и ознаменовал гибель монархии в России. Вместо «пути победы» он привел к развалу Российской империи и, в конечном итоге, поставил крест на ее наметившихся геополитических перспективах⁶¹.

Примечания

1 Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев. документы. – М., 1990. – С. 33. *Otrechenie Nikolaja II. Vospominanija ochevidcev, dokumenty* [Abdication of Nicolas II. eye-witness recollections and documents]. М., 1990. P. 33.

2 Известия. – 1917. – 2 марта. *Izvestija* [News]. March 2, 1917.

3 Красный архив. – 1927. – № 3. – С. 15. *Krasnyj arhiv* [The Red Archive], 1927, No. 3, p. 15.

⁴ Фотокопия этого документа воспроизведена на обложке книги «Отречение Николая II...». [Photocopy of this document reproduced on the cover of the book "Abdication of Nicolas II..."].

⁵ Абдикация (лат. *abdicatio*) – добровольное отречение от престола, отказ от власти, должности или сана.

⁶ Красный архив. – 1927. – № 3. – С. 15. *Krasnyj arhiv* [The Red Archive], 1927, no. 3, p. 15.

⁷ *Островский А.В., Сафонов М.М.* 15–17 октября 1905 г. В царской резиденции. (Из записок А.А. Будберга) // Английская набережная. 4. – СПб., 1997. – С. 403. *Ostrovskij A.V., Safonov M.M. 15–17 oktjabrja 1905 g. V carskoj rezidencii. (Iz zapisok A.A. Budberga)* [At the Tsar Residence: October 15–17, 1905. Memoirs of A.A. Budberg]. *Anglijskaja naberezhnaja* [The English Embankment], 4. SPb., 1997. P. 403.

⁸ *Мосолов А.А.* При дворе императора. – Рига. [б.г.]. – С. 139. *Mosolov A.A. Pri dvore imperatora* [At the Emperor's court]. Riga, p. 139.

⁹ *Островский А.В., Сафонов М.М.* Манифест 17 октября 1905 г. // Вспомогательные исторические дисциплины. – Л., 1981. – С. 168–188. *Ostrovskij A.V., Safonov M.M. Manifest 17 oktjabrja 1905 g.* [Manifesto of October 17, 1905]. *Vspomogatel'nye istoricheskie discipliny* [Auxiliary sciences of history], Vol. 12. L., 1981, pp. 168–188.

¹⁰ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 276. Оп. 1. Д. 12. Л. 2–11. *Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv* (RGVIA). [The Russian State Military Historical Archive], fond 276, series 1, file 12, pp. 2–11; Красный архив. – 1925. – Т. 4-5 (11-12). – С. 92–94. *Krasnyj arhiv* [The Red Archive], 1925, Vol. 4-5 (11-12), pp. 92-94.

¹¹ Красный архив. – 1925. – Т. 4-5 (11-12). – С. 96. *Krasnyj arhiv* [The Red Archive], 1925, Vol. 4-5 (11-12), p. 96.

¹² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 601. Оп. 1. Д. 888. Л. 1–2. *Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj federacii* (GARF). [The State Archive of the Russian Federation], fond 601, series 1, file 888, pp. 1–2.

¹³ *Сафонов М.М.* Отречение... которого не было? // Смена. – 1997. – 14 марта. *Safonov M.M. Otrechenie... kotorogo ne bylo?* [Abdication ... That Had Never Been?]. *Smena*, 1997, March 14.

¹⁴ Российский государственный исторический архив. (РГИА). Ф. 516. Оп. 1 (дополнительная). Д. 25. Л. 9 об. *Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv* (RGIА). [The Russian State Historical Archive], fond 516, series 1 (additional), file 25, p. 9 verso.

¹⁵ *Милуков П.Н.* Воспоминания. – М., 1991. – С. 464. *Milyukov P.N. Vospominanija* [Memoirs], M., 1991, p. 464.

¹⁶ *Известия.* – 1917. – 3 марта. *Izvestija* [News], 1917, March 3.

¹⁷ *Сафонов М.М.* Ложь и правда об отречении Николая II // Между двух революций. 1905–1917. – СПб., 2005. – С. 245. *Safonov M.M. Lozh' i pravda ob otrechenii Nikolaja* [Falsehoods and truths of the abdication of Nicolas II] *Mezhdvu dvuh revoljucij*, 1905–1917. [Between two revolutions: 1905–1917]. SPb., 2005, p. 245.

¹⁸ Отречение Николая II... – С. 34. *Otrechenie Nikolaja II...* [Abdication of Nicolas II...], p. 34.

- ¹⁹ Красный архив. – 1927. № 3. – С. 15. *Krasnyj arhiv* [The Red Archive], 1927. No. 3. p. 15.
- ²⁰ Там же. – С. 17–18. *Ibid.*, pp. 17–18.
- ²¹ Касвинов М.К. Двадцать три ступеньки вниз. – М., 1984. – С. 273. Kasvinov M.K. *Dvadcat' tri stupen'ki vniz* [Twenty three steps down]. M., 1984. p. 273.
- ²² Красный архив. – 1927. – № 3. – С. 7. *Krasnyj arhiv* [The Red Archive], 1927. No. 3. p. 7: Отречение Николая II... – С. 223. *Otrechenie Nikolaja II...* [Abdication of Nicolas II...], p. 223.
- ²³ Sworakowskii, W.S. The Authorship of the Abdication Document of Nicholas II. *Russian Review*. Vol. 30 (1971), No. 3. pp. 277–286.
- ²⁴ Красный архив. – 1927. – № 3. – С. 7. *Krasnyj arhiv* [The Red Archive], 1927. No. 3. p. 7.
- ²⁵ Там же. *Ibid.*
- ²⁶ Отречение Николая II... – С. 223. *Otrechenie Nikolaja II...* [Abdication of Nicolas II...], p. 223.
- ²⁷ Там же. – С. 111–119. *Ibid.*, pp. 111–119.
- ²⁸ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2100 а. Л. 5. GARF. fond 601. series 1. file 2100 a. p. 5. Фотокопия этого экземпляра воспроизведена на обложке книги «Отречение Николая II...». «Otrechenie Nikolaja II...» [Abdication of Nicolas II...]. (Сафонов М.М. Не царское это дело. Safonov M.M. *Ne carskoe jeto delo* [This is not a tsar's business]. Gorod-812, 2013. No. 8 (206). March. pp. 28–30.
- ²⁹ Текст этого экземпляра был напечатан в сборнике «Отречение Николая II...» (С. 223). «Otrechenie Nikolaja II...» [Abdication of Nicolas II...], p. 223. Фотокопия этого документа была воспроизведена в книге: Ненароков А.П. 1917: Краткая история. документы, фотографии. Nenarokov A.P. 1917. *Kratkaja istorija, dokumenty, fotografii* [1917. History of Photography in Brief: Documents, Photographs]. М., 1980. p. 53.
- ³⁰ Lomonosov, Major-General G.V. *Memoirs of the Russian Revolution*. New York: Rand School of Social Studies. n.d. [1919?], 87 p. К сожалению, с этим экземпляром автору ознакомиться не удалось de visu. См.: Рязумов А.В. Подпись императора. Несколько замечаний по «Отречению Николая II». Электронный ресурс. Режим доступа: samoderjavie.ru/node/452 (Дата обращения 10 мая 2014 г.). Razuimov A.V. *Podpis' imperatora. Neskol'ko zamechanij po "Otrecheniju Nikolaja II"* [Signature of the Emperor. Some Remarks on "Abdication of Nicolas II"]. Available at: samoderjavie.ru/node/452 (accessed 10.05.2014).
- ³¹ Оба экземпляра вместе воспроизведены в книге «Между двух революций. 1905–1917» (С. 260, 263). *Mezhdu dvuh revolucij. 1905–1917* [Between two revolutions: 1905–1917]. SPb., 2005. pp. 260, 263.
- ³² Падение царского режима. Т. VI. – М., Л., 1926. – С. 219. *Padenie carskogo rezhima* [The fall of the Tsar's regime], Vol. 6, M., L., 1926. p. 219.
- ³³ Красный архив. – 1927. – № 3. – С. 46. *Krasnyj arhiv* [The Red Archive], 1927, No. 3. p. 46.
- ³⁴ Утро России. – 1917. – 4 марта. *Utro Rossii* [Morning of Russia], 1917, March 4.
- ³⁵ Падение царского режима. Т. VI. С. 269. *Padenie carskogo rezhima* [The fall of the Tsar's regime], Vol. 6. p. 269.
- ³⁶ Факсимиле этой телеграммы воспроизведено в книге: Мартынов Е.И. Царская армия в февральском перевороте. – Л., 1927. – С. 159. Martynov E.I.

Carskaja armija v fevral'skom perevorote [Tsar's Army in the February Revolution]. L., 1927. p. 159.

³⁷ Отречение... – С. 235. Otrechenie... [Abdication...], p. 235.

³⁸ Красный архив. – 1927. – № 3. – С. 15. *Krasnyj arhiv* [The Red Archive]. 1927. No. 3. p. 15.

³⁹ *Ibid.*, p. 10.

⁴⁰ Отречение Николая II... – С. 225. Otrechenie Nikolaja II... [Abdication of Nicolas II...], p. 225.

⁴¹ *Ibid.*, p. 16.

⁴² См. подробнее: Сафонов М.М. С.Ф. Платонов и акт отречения Николая II // Памяти академика Сергея Федоровича Платонова. СПб: «Любавич», 2011. С. 146–164. Safonov M.M. *S.F. Platonov i akt otrechenija Nikolaja II* [Platonov and act of abdication of Nicholas II]. Pamjati akademika Sergeja Fedorovicha Platonova [In memory of academician Sergey Fedorovich Platonov]. SPb. "Lubavich" Publ., 2011. pp. 146–164.

⁴³ Отречение Николая II... – С. 169–172. Otrechenie Nikolaja II... [Abdication of Nicolas II...], pp. 169–172.

⁴⁴ *Ibid.*, p. 186.

⁴⁵ *Ibid.*, pp. 190–192.

⁴⁶ *Сторожев В.Н.* Февральская революция 1917 г. // Научные известия (Академический центр Наркомпроса РСФСР). – СПб., 1922. – С. 138. Storožev V.N. *Fevral'skaja revolucija 1917 g.* [The February Revolution of 1917]. Nauchnye izvestia. (Akademicheskij centr Narkomrossa). [Science Update of the Academic Centre of the People's Commissariat for Education (Narkompros) of the RSFSR]. SPb., 1922. P. 138.

⁴⁷ РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (дополнительная). Д. 25. Л. 9 об. RGIA. fond 516. series 1 (additional). file 25. p. 9 verso.

⁴⁸ Красный архив. – 1927. – № 3. – С. 16. *Krasnyj arhiv* [The Red Archive]. 1927. No. 3. p. 16.

⁴⁹ *Ibid.*, pp. 15–16.

⁵⁰ Известия. – 1917. – 4 марта. *Izvestija* [News]. 1917. March 4.

⁵¹ Красный архив. – 1927. – № 3. – С. 15. *Krasnyj arhiv* [The Red Archive]. 1927. No 3. p. 15.

⁵² Отречение Николая II... – С. 170–182. 172 Otrechenie Nikolaja II... [Abdication of Nicolas II...], pp. 170–182.

⁵³ См. подробнее: Сафонов М.М. Ложь и правда об отречении Николая II... – С. 234–235. Safonov M.M. *Lozh' i pravda ob otrechenii Nikolaja* [Falsehoods and truths of the abdication of Nicolas II] *Mezhdvu dvuh revoljucij. 1905–1917.* [Between two revolutions: 1905–1917]. SPb., 2005. pp. 234–235.

⁵⁴ Отречение Николая II... – С. 34. Otrechenie Nikolaja II... [Abdication of Nicolas II...], p. 34.

⁵⁵ Красный архив. – 1927. – № 2. – С. 75. *Krasnyj arhiv* [The Red Archive]. 1927. No. 2. p. 75.

⁵⁶ *Ibid.*, pp. 72–73.

⁵⁷ Данилов Ю.В. Мои воспоминания об императоре Николае II и великом князе Михаиле Александровиче // Архив русской революции. Т. 19. – Берлин. 1928. – С. 229. Danilov U.V. *Moi vospominanija ob imperatore Nikolae II i velikom*

knjaze Mihaile Aleksandrovicze [My Memoirs of the Emperor Nicholas II and Grand Duke Mikhail Alexandrovich]. Arhiv ruskoj revolucii [Archive of the Russian Revolution], Vol. 19. Berlin. 1928. p. 229.

⁵⁸ См. факсимиле: *Мартынов Е.И.* Царская армия в февральском перевороте. Martynov E.I. *Carskaja armija v fevral'skom perevorote* [Tsar's Army in the February Revolution], p. 159.

⁵⁹ На телеграмме Гучкова и Шульгина начальнику Главного штаба с сообщением о том, что «манифест последует», отправленной, согласно пометке на ней Алексеева в первом часу ночи 3 марта, есть зачеркнутое добавление: «Сообщите немедленно положение семьи Фредерикса». (Красный архив. – 1927. – Т. 3. – С. 16. *Krasnyj arhiv* [The Red Archive], 1927. No. 3. p. 16). Очевидно, министра императорского двора, также как и императора, шантажировали угрозами его семье.

⁶⁰ *Данилов Ю.В.* Мои воспоминания об императоре Николае II и великом князе Михаиле Александровиче... – С. 240. Danilov Yu.V. *Moi vospominanija ob imperatore Nikolae II i velikom knjaze Mihaile Aleksandrovicze* [My Memoirs of the Emperor Nicholas II and Grand Duke Mikhail Alexandrovich], p. 240.

⁶¹ Изучение сложной истории отречения Николая II, к сожалению, затемняется публикациями разного рода «энтузиастов». Так А.Б. Рузумов, не знакомый с историографией вопроса, без участия профессиональных графологов провел сопоставление подписей царя на «актах отречения», а также скрепы Фредерикса и пришел к заключению, что они абсолютно идентичны. К сожалению, автор не подозревал о том, что сравнивал оригинал с фотографией его. Суждения А.Б. Рузумова о том, что эти подписи воспроизведены с помощью стекла и лампы с более ранних автографов Николая, также не выдерживают критики, так как отличия в начертании букв видны даже, что называется, невооруженным глазом. См.: *Рузумов А.Б.* Указ. соч. Электронный ресурс. Режим доступа: samoderjavie.ru/node/452 (Дата обращения 10 мая 2014 г.). Razumov A.B. Op. cit. Available at: samoderjavie.ru/node/452 (accessed 10.05.2014). «Открытия» В.П. Мультатули также противоречивы. Автор утверждает, что ни Николай II, ни Гучков, ни Шульгин в глаза не видели «акта отречения», потому что он был создан в Петрограде позднее офицерами Генерального штаба или большевиками, с целью «доказательства» отречения Николая II перед западным сообществом. Документ же, начинающийся словами «Ставка. Начальнику штаба», предназначался вовсе не для Ставки и Алексеева, а для некоего мифического начальника личного штаба Гучкова, под которым подразумевался А.Ф. Керенский. Mul'tatuli P.V. *Imperator Nikolaj II I zagovor 17 goda* [Emperor Nicholas II and the conspiracy of 1917]. М.: «Veche» Publ.

Список литературы

1. *Мартынов Е.И.* Царская армия в февральском перевороте. – Л.: Изд-во ВВС СССР, 1927. – 212 с.
2. *Мультатули В.П.* Imperator Nikolaj II I zagovor 17 goda. [Emperor Nicholas II and the conspiracy of 1917]. Moscow, «Veche» Publ.
3. *Рузумов А.Б.* Подпись императора. Несколько замечаний по «Отречению Николая II». Электронный ресурс. Режим доступа: samoderjavie.ru/node/452 (Дата обращения 10 мая 2014 г.).

4. Сафонов М.М. Отречение... Которого не было? // Смена. – 1997. – 14 марта.
5. Сафонов М.М. Ложь и правда об отречении Николая II // Между двух революций. 1905–1917. – СПб.: Изд-во Нестор-История. – 2005. – С. 212–272.
6. Сафонов М.М. С.Ф. Платонов и акт отречения Николая II // Памяти академика Сергея Федоровича Платонова. – СПб.: Изд-во Любавич. – 2011. – С. 146–164.
7. Сафонов М.М. Не царское это дело // Город-812. – 2013. – № 8 (206). – Март. – С. 28–31.
8. Swokowski W. The autorship of the abdication document of Nicholas II // The Russian Review. 1971. № 30. P. 227–286.

References

1. Martynov E.I. *Carskaja armija v fevral'skom perevorote* [Tsar's Army in the February Revolution]. Leningrad, Revvoyensovyet of the USSR Publ. 1927. 212 p.
2. Mul'tatuli P.V. *Imperator Nikolaj II I zagovor 17 goda* [Emperor Nicholas II and the conspiracy of 1917]. Moscow. "Veche" Publ.
3. Razumov A.B. *Podpis' imperatora. Neskol'ko zamechanij po "Otrecheniju Nikolaja II"* [Signature of the Emperor. Some Remarks on "Abdication of Nicolas II"]. Available at: samoderjavie.ru/node/452 (accessed 10.05.2014).
4. Safonov M.M. *Otrechenie... Kotorogo ne bylo?* [Abdication ... That Had Never Been?]. Smena. 1997. March. 14.
5. Safonov M.M. *Lozh' i pravda ob otrechenii Nikolaja* [Falsehoods and truths of the abdication of Nicolas II] *Mezhdru dvuh revoljucij. 1905–1917*. [Between two revolutions: 1905–1917]. St. Petersburg, Nestor-Istorija Publ., 2005. pp. 212–272.
6. Safonov M.M. *S.F. Platonov i akt otrechenija Nikolaja II* [Platonov and act of abdication of Nicholas II]. *Pamjati akademika Sergeja Fedorovicha Platonova* [In memory of academician Sergey Fedorovich Platonov]. SPb, "Lubavich" Publ., 2011. pp. 146–164.
7. Safonov M.M. *Ne carskoe jeto delo* [This is not a tsar's business]. *Gorod-812*. 2013. no. 8 (206). March. pp. 28–31.
8. Sworakowskii, W.S. The Authorship of the Abdication Document of Nicholas II. *Russian Review*. Vol. 30 (1971), No. 3, pp. 277–286.

Сведения об авторах

Сафонов Михаил Михайлович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация. 8-812-784-81-39. m.safonov@list.ru

About author

Safonov Mikhail Mikhailovich, PhD in History (candidate of historical sciences), senior researcher at the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation, +7-812-784-81-39. m.safonov@list.ru